

Глубоко верная мысль и точно сформулированная защита классики прозвучала недавно в одной из передач «Культурная революция» из уст замечательной балерины Ульяны Лопаткиной, которая, кстати, и на сцене доказала, что тот, кто освоил классику, всегда неизмеримо совершеннее всех даже в смысле техники исполнения. В разговоре о классическом балете и его устаревшем академизме, она рассказала о разговоре с обратившимися к ней медиками из детского онкологического центра, которые спрашивали, когда ближайший спектакль «Лебединое озеро» и нельзя ли помочь с билетами. Дети, которым осталось жить совсем немного, очень хотели посмотреть этот красивый балет — это было их последнее желание — встретиться с самым прекрасным, что есть в этом мире.

Вопрос о подходе, сохраняющем культуру и ценности — не абстрактно-теоретический вопрос культурологии или эстетики, а практический вопрос, от решения которого зависит судьба человечества и жизнь планеты в ее целостности.

И «что Афины Иерусалиму»? И что модернизм со всеми его пост-пост-пост- живой классической традиции, и сегодня открывающей пространство не футурошока, а художественного ликования и эстетической радости в пространстве современного мира?

1. *Зубаков В. А.* Мудрость Дома Земля: контуры экогеософской мировоззренческой парадигмы // Мудрость Дома Земля. О мировоззрении XXI века. Экогеософский альманах. СПб-Донецк, 2003. С. 13–38.
2. *Эпштейн М. Н.* Мир как матрица // http://www.chaskor.ru/article/mir_kak_matritsa_25366
3. *Кураев М. Н.* Бардак или жизнь как жизнь? // *Континент.* 1999. № 102. С. 14.
4. *Кураев М. Н.* Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург. Путевые заметки — СПб., 1996. С. 129.
5. *Каган М. С.* Эстетика как философская наука. СПб., 1997. С. 306.
6. *Крылов В. Л.* Убить искусство: От Малевича и Пикассо до Глазунова и концептуалистов. М., 2005. С. 110.

Н. В. ГОЛИК

Доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ*

Экологическая эстетика на сегодняшний день является одной из самых динамично развивающихся концепций. Принято считать, что экологическая эстетика занимается этико-эстетическими проблемами взаимоотношения человека как существа природного и окружающей среды. В данной статье предлагается интерпретация экологической эстетики как актуальной вершины мысли ввиду ее нацеленности на гармоничность и целостность человеческого существования так, как это возможно в настоящее время, маркируемое как наследие эпохи пост-кризиса европейской науки, констатированного в начале XX века. *Ключевые слова:* экологическая эстетика, человек как природное существо, окружающая среда, кризис наук, преодоление антропоцентризма

Экологическая эстетика как особая область научных исследований и прикладных разработок появилась в последней трети XX века и уже успела покрыться «патиной» суждений, кочующих из одного текста в другой и ставших хрестоматийными. В соответствии с ними экологическая эстетика предстает областью междисциплинарных исследований, структурирующаяся вокруг проблемы взаимоотношения человека и окружающей среды и включающая соответствующий круг научных направлений и учебных дисциплин.

Такая «тарификация» делает «образ» экологической эстетики одномерным, ибо подлинный смысл феномена «экологическая эстетика» в ином, если попытаться определить ее место на карте современной интеллектуальной и материальной культуры. Мышление, склоняющееся к экстатическим определениям, может назвать факт существования экологической эстетики экстраординарным событием, сродни революционному, связанному с возможностью и явленностью в реальности особого миропонимания и соответствующего ему общественного устройства. Что-то наподобие города Солнца с неисчерпаемым по энергии генератором вибраций абсолютного Добра и абсолютной Красоты. Мышление более уравновешенное усмотрит в факте существования экологической эстетики нечто, определяющее механизм движения культуры, ее онтологическую архитектонику и предстающее как последовательный и закономерный этап развития культуры, венчающий и стягивающий воедино все достижения предшествующих ступеней развития.

Подобно коперниканскому повороту экологическая эстетика знаменует собой рождение особой «оптики», специфического дискурса, словно двуглавый орел, объединяющего научно-естественное и гуманитарное видение мира. Иначе говоря, в лоне экологической эстетики демаркационная линия между наукой и гуманитарным знанием, тем, что на английском языке именуется как *Science and Humanities*, исчезает. В результате формируется новый образ мысли и соответствующий ему новый образ мира.

Это стало возможным, поскольку в культуре XX века произошел определенный неклассический «сдвиг». Философы, писатели, ученые самых различных направлений не только увидели, но и достаточно четко сформулировали новый тип проблем и новую идею реальности. Исходной в этом плане стала идея кризиса (катастрофы) культуры и поиск выхода из него. В этом ряду можно назвать английского физика, писателя Чарльза Сноу и его книгу «Две культуры», биолога Джулиана Хаксли и его идею национальных парков, этолога К. Лоренца, врача, музыканта и философа А. Швейцера, биохимика В. Р. Поттера и его работу под символическим названием «Биоэтика: мост в будущее», психиатра и мыслителя К. Г. Юнга, психолога, философа К. Ясперса и его труд «Духовная ситуация эпохи» (1931), научно-общественную деятельность представителей Римского клуба и т.д... В числе замыкающих этот ряд — выдающийся испанский мыслитель Хавьер Субири, создатель особого «метафизического» варианта феноменологической философии с его концепцией «чувствующего интеллекта».

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта №12-03-00533, поддержанного РФФИ.

Исток традиции — мысль Э. Гуссерля о кризисе европейских наук, кризисе философии и кризисе «всего европейского человечества, ныне охватившего смысл его культурной жизни, всю его „экзистенцию”». Огромное влияние на последующие поколения ученых оказала критика Гуссерлем науки. Ее фундаментальная несостоятельность, по Гуссерлю, заключается в неспособности помочь человеку в его жизненных нуждах, ибо по своей природе наука «в принципе исключает вопросы, наиболее животрепещущие для человека, брошенного на произвол судьбы в наше злосчастное время судьбоносных преобразований, а именно вопросы «о разуме или неразумии, о человеке как субъекте свободы, ... о смысле или бессмысленности всего человеческого существования», о своем отношении к окружающему человеческому и внечеловеческому миру, о возможностях разумного преобразования себя и окружающего мира. На эти вопросы не может ответить, разумеется, например, физика. Но и науки о духе, рассматривающие человека в его духовном бытии, следовательно, в горизонте его историчности, тоже оказываются бессильными. В частности, история не в состоянии научить ничему, кроме одного: «все произведения духовного мира, все жизненные связи, идеалы и нормы, присущие людям, подобно мимолетным волнам, возникают и исчезают, разум постоянно превращается в неразумие, а благодеяние — в муку, всегда так было и всегда так будет? Можно ли смириться с этим? И можно ли жить в мире, где историческое событие — лишь непрерывная цепь иллюзорных порывов и горьких разочарований?»

Подчеркнем два момента в размышлениях Э. Гуссерля, имеющих, как нам представляется, принципиальное значение. Научная, объективная истина состоит исключительно в констатации фактичности мира, как физического, так и духовного. В результате формируется особый тип ученых, «сугубо эмпирически-ориентированных», исключающих все ценностные установки, все вопросы «о разуме и неразумии тематизируемого человечества и произведений его культуры».

Идеи Гуссерля, изложенные в фундаментальном труде «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», были подхвачены многим учеными. Примечательна позиция и концепция лауреата Нобелевской премии, этолога К. Лоренца, развивающего идею кризиса культуры. Итогом многолетних размышлений К. Лоренца, известного прежде всего своими исследованиями агрессии, стала работа «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества», среди которых «второе место» занимает проблема насилия над природой. Ученый подчеркивает, что опустошение естественного жизненного пространства, разрушает не только внешнюю природную среду, среду обитания человека, но и в самом человеке «убивает всякое благоговение перед красотой и величием открытого ему творения». Третий грех — техника. Ее ускоряющееся развитие К. Лоренц сравнивает с бегом «человечества наперегонки с самим собой», в процессе которого люди становятся незрячими, «слепыми ко всем подлинным ценностям» и равнодушными к подлинно человеческой деятельности — размышлению. Четвертый грех — потеря способности переживания радости. К. Лоренц называет это тепловой смертью чувства и, как этолог, полагает, что «прекрасная божественная искра Радости» дается только ценой тяжких усилий при

преодоления препятствий, а не погоней за удовольствиями и наслаждениями. Человеку необходимо переживать «приливы страданий и радости, сменяющее друг друга по воле природы», и, если они исчезают, то жизнь человека превращается «в мелкую зыбь невыразимой скуки». Грех под номером восемь — ядерное оружие. Но, как полагает К. Лоренц, ядерную опасность избежать легче, чем опасностей семи других грехов — грехов обесчеловечения.

Трагедия культуры и ее отражение во внутреннем мире человека становится одной из важнейших тем исследований К. Г. Юнга. В своей работе «Проблемы души нашего времени» (1932) швейцарский психиатр и мыслитель сравнивает сознание современных людей «с душой человека, перенесшего огромное потрясение и ставшего потому крайне неуверенным». Более того, душа человека оказалась разделенной «ключом проволокой», по одну сторону которой находилась пропасть вожделений, инстинктов, страстей, большая часть которых, как оказалось в свете психоанализа, была скрыта темной силой id. По другую сторону — необходимость «встроиться» в макрокосм общества и культуры. В редчайших случаях человеку удается справиться с постоянным противоречием внутри себя и направить свою жизнь к одной единственной цели. Но это происходит тоже за счет других сторон своего существа. Психология XX века убедительно показывает, что у человека «можно, конечно, отнять Богов, но только если ему дать других». Разум и Польза не могут быть этими другими, поэтому именно «с победой Deesse Raison начинается всеобщая невротизация современного человека, т.е. диссоциация его личности». Целостность души невозможно «вместить» в один лишь интеллект и рационально-эмпирическую деятельность, ибо «полнота жизни закономерна и не закономерна, рациональна и иррациональна. «Расколдованный мир» вместо полноты божественного не способен дать ясный ответ на вопрос, кто есть человек и зачем он?

«Расколотовость» души современного человека — проекция «расколотовости культуры — проблема, именуемая привычным словосочетанием «кризис культуры». Сегодня очевидно, что «кризис культуры» — это болезнь всего человечества и эта болезнь достигла своей критической точки — идеологи самоуничтожения («суицида») (экологическое, в частности, является следствием самоуничтожения гуманистического). И это не эпистемологический трагизм, придуманный теологами и философами, а хорошо наблюдаемая и фиксируемая данность. Предчувствие и переживание Апокалипсиса делают очевидной трагедию бытия человека, поскольку высшей ценностью становится не отдельная человеческая жизнь, а существование самого человечества. Проблема соотношения бытия и ценности предстает в следующем модуле: высшей ценностью стало само бытие.

Появление экологической эстетики можно рассматривать как универсальный разум, вбирающий в себя в качестве неотделимого элемента экологическую этику и преодолевающий расколотовость культуры и души человека, восстанавливая их целостность. Быть фундаментальной константой мировосприятия современного человека и воплотиться в реальности, т.е. перейти из разряда должного в область сущего, этому универсальному разуму еще только предстоит. Это возможно лишь только при выполнении нескольких необходимых условий.

Одним из таких условий является освобождение от антропоцентризма, т.е. от полагания себя в качестве центра мироздания. Прежде всего следует разобраться в тонкостях взаимоотношений составляющих триады: природа — человек — культура. Это означает отказ от привычной иерархии деления на природу и культуру, как нечто созданное человеком, что сегодня выглядит достаточно примитивным. Это означает также очищение и освобождение от иллюзий, согласно которым культура есть высшее достижение человеческого духа и по отношению к природе она совершает «дар благодати»: лишь с помощью человека и сотворенной им культуры природа приобретает особый облик, неизвестный ей самой, лишь культура реализует заключенные в ней возможности и определяет способ ее существования.

В действительности дело обстоит иным образом: природа превращается в гигантскую кладовую запасов сырья для производства и энергии. Вместе с природой и человек превращается в средство. При этом полагается, что Разуму дано знать, что нужно самой природе (в том числе и природе человека, его биологии, его физиологии и психологии), как лучше самой природе и как ее переделать, чтобы приспособить ее к культуре. Подобное заблуждение — результат представлений, которые формируются к XVIII в. Знаменитое изречение Бэкона «знание — сила» замещает культ Бога культом Разума, Пользы. Последнее становится базисным понятием эпохи Просвещения (Ги Бесс) и знаменует рождение хорошо нам известной культуры научно-технического прогресса с присущей ей этикой утилитаризма — культуры, которая, по мысли Ч. Сноу, отгораживается от традиционной гуманитарной культуры европейского Запада стеной непонимания. Однако, как правило, наше внимание сосредоточено на «кричащем симптоме» (А. В. Ахутин), а истоки кризиса остаются не познанными, и он продолжает неуклонно развиваться. Поиск истоков предполагает сложную работу погружения и постижения понятия «природа» — этого основного слова западной метафизики, которое «скрывает в себе какие-то решения по истине сущего, если мы вспомним, что сегодня истина о сущем в его целокупности остается во всяком случае под вопросом, ... и существо истины остается совершенно нерешенным» (М. Хайдеггер).

Гуссерль в своем труде о кризисе европейских наук вопрошал: «Не выдвигается ли ... общее требование о необходимости всеобщего сознания и ответственности всех людей, которые проистекали бы из разума?» Опасаясь «впасть» в грех «безумия самомнения» (Гегель), тем не менее осмелюсь утверждать: экологическая эстетика сегодня и есть воплощение универсальности «всеобщего сознания и ответственности», проистекающих из разума. И как высшая форма человеческого сознания экологическая эстетика в своем претворении в головах людей и в реальной действительности есть ответ на кантовский вопрос о том, что есть Просвещение.

Многое из того, о чем шла речь, может показаться утопичным. Но Кант мог мечтать и писать о «вечном мире», Циолковский — о межпланетных путешествиях... Почему не поддерживать эстафету самозабвенных дерзаний и проектов. Как замечательно сказано у Глеба Панфилова в киносценарии о Жанне д'Арк: по-моему, она сбрендилла, сказал один из встретившихся на пути Жанны в Реймс. Может быть, согласился другой и прибавил, но, если бы большинство сбрендило как она, то Франция давно была бы свободна.